

Библиографический список

1. Кондратович, А. Три рукописи: Из воспоминаний о Твардовском / А. Кондратович // Подъём. – 1973. – № 6.
2. Твардовский, А. Собрание сочинений: в 5 т. – М., 1966–1971.
3. О Родине, о мужестве, о славе: Стихи и песни фронтовиков дней Великой Отечественной войны – современное русское народное письменное творчество, собранное и подготовленное к печати И. И. Дорониным. – М., 1975.

Ерофеева Наталья Евгеньевна

докт. филол. наук, профессор (Российский государственный
гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург, Россия)
natali-erof@yandex.ru

ИНТЕРМЕДИАЛЬНОЕ НАЧАЛО РОМАНОВ Ф. ФЛЭГГ

Творчество Ф. Флэгг анализируется сквозь призму ее профессиональных интересов актрисы и сценариста. Интермедialное начало ее романов позволяет увидеть, как формируется кинотекст в современной американской литературе, продолжающей развитие традиций, заложенных У. Фолкнером. Новое прочтение хроники в контексте эстетики и поэтики кинематографа открывает новые грани современного романа в творчестве Ф. Флэгг.

Ключевые слова: кинотекст; интермедialное начало; литературная традиция; роман-хроника; кадр; экспозиция в кино.

Патриция Нил (*Patricia Neal*, р. 21.09.1944), известная как романистка Фанни (Фэнни) Флэгг (*Fannie Flagg*), пришла в литературу из мира кино. Завершив карьеру актрисы, она сделала карьеру сценариста на местном телевидении в Бирмингеме. Актерский опыт и талант писателя и сценариста получили свое выражение на страницах ее книг.

Первый роман «Дейзи Фэй и чудеса» (*Daisy Fay and the Miracle Man*) вышел в 1981 году. История взрослеющей девочки знакомила читателя с американским Югом и его людьми, с атмосферой 1950-х, наполненной и романтикой юности, и бытовыми проблемами. Уже в этом романе обозначились черты авторской манеры Ф. Флэгг, продолжающей традиции литературы американского Юга. Взгляд на мир сближает Ф. Флэгг с позицией У. Фолкнера: «Начиная с «Сарториса», я обнаружил, что мой собственный, величиной с почтовую марку, клочок родной земли стоит того, чтоб о нем писать, что я никогда не исчерпаю этой темы... Это открыло для меня золотую жилу, я создал собственный космос» [2, с. 244]. Свой космос создает и Ф. Флэгг. Она также увлечена историей, также готова постоянно писать о людях своей малой родины.

В центре произведений писателя судьбы простых людей, но особый интерес вызывают женские истории, будь то одиннадцатилетняя Дейзи Фэй или восьмидесятилетняя Элнер Шимфисл. Среди основных тем – дом, семья и традиционные ценности. Правда, за роман «Жареные зеленые помидоры в кафе «Полустанок»» («*Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Café*», 1987) автора и хвалили, и ругали. Хвалили за трогательную историю о любви (по роману сняли фильм и даже номинировали на «Оскара»), но читатели чаще критиковали за включение в текст табуированной гендерной темы. Одна из рецензентов на просторах Интернет заметила, что критика справедлива, «не нужно было писать плохие романы».

Романы Ф. Флэгг привлекают не только юмором, лиризмом. Перед читателем оказывается интересный текст, в котором удивительным образом сочетаются традиционные формы повествования и элементы киносценария.

Особая любовь южан к истории постоянно проступает в романах Ф. Флэгг через факты, нередко представленные сквозь призму сознания обычного американца. Писатель фиксирует внимание читателя на датах, часто задавая определенный аспект в восприятии времени. Выбирая форму хроники, обозначая годы или десятилетия, в пределах которых происходят описываемые события, автор с иронией акцентирует внимание на сути указанного периода. Так, например, в романе «Стоя под радугой» повествование открывает большой раздел «Начало», в который вошли главы, призванные познакомить с местом действия и персонажами, потом следуют разделы, обозначенные десятилетиями с тонкими ироничными пометками писателя в отдельных заголовках глав (параграфов): 1950-е («Всплеск рождаемости», когда речь идет об активном развитии телевидения, а также о том, что «множились не только телевизоры. Каждую минуту дня и ночи рождались тысячи детей») или 1960-е («Петух, может, и кукарекает, но яйца-то курочка несет») о неудачной попытке Бетти Рэй баллотироваться от Демократической партии), или 1970-е («Конец эры»), 1980-е («Дорогая, мы стареем»), 1990-е («Все хорошо, что хорошо кончается»).

Настроение и колорит определенного десятилетия и даже столетия показаны и проиллюстрированы событиями, бытовыми деталями и даже игрушками времени. Так, в романе «Стоя под радугой», описывая соседского мальчика Бобби Смита и его увлечения, читатель знакомится с его «волшебным королевством», небольшой спальней, в которой чего только нет. Замечая с иронией «тоже мне ценности», Тот Хутен подробно перечисляет и комментирует «богатства» Бобби: «коробка расписных черепашек, горсть камешков, расплюснутая монета, которую они с Монро подложили на трамвайные рельсы, да картонный ковбой Сансет Карсон из элмвудского кинотеатра, в натуральную величину, – Снуки подарил. Или вот еще – два серебряных доллара, искусственный желтый рыбий глаз, найденный позади Дома ветеранов войны, маленький стеклянный джип, в котором когда-то лежали конфеты, – секунд пять они пролежали, не больше. Из приобретений этого года: рогатка ручной работы, мешочек со стеклянными шариками, светящееся в темноте кольцо – 1 шт., компас – 1 шт., конструктор – 1 шт., йо-йо – 3 шт., модель самолета, щетка для волос с наклейкой Одинокого Рейнджера (подарок Монро на день рождения, его мама покупала), картонная бензоколонка «Файрстон», укомплектованная насосами, и полка с книжками по десять центов: «Терри и пираты», «Джо Палука», «Ред Райдер». Под кроватью несколько комиксов: «Человек-паук», «Поросенок Порки», «Малышка Одри» и «Каспер – дружелюбное привидение», а еще железная дорога, плетеный индийский браслет, подаренный девочкой (Бобби считает его потерянным), и руль от старого велосипеда в белой резиновой оплетке» [2].

Вместе с Бобби автор «покидает» комнату и совершает удивительные путешествия. Мир детских фантазий погружает читателя в мир приключений, который пронизан любовью и радостью постоянных открытий: «Он уезжал за тысячи миль на игрушечном поезде, стоявшем под кроватью, сбивался с пути в коварных горах, искал выход из длинных мрачных пещер над яростно рычащими горными реками и на пластмассовом самолете, что свисал на нитке с потолка, облетал вокруг света, частенько оказывался в джунглях Амазонки, кишащих аллигаторами.

Даже уличный фонарь на углу дарил Бобби удивительные путешествия. Лежа на кровати ветренными летними вечерами, он смотрел на пляшущие тени, и тополь перед домом вскоре обращался в пальму на тропическом острове, и пассатные ветры врываются в открытое окно. Бывало, ночами он слышал слабые отголоски гавайской музыки и видел, как девушки танцуют хулу прямо перед окнами спальни Робинсонов. Бобби так вдохновился этими образами, что записался в кружок игры на укулеле» [2].

В результате книги Флэгг напоминают доброе американское кино.

Уже в экспозиции к роману, будь то «Стоя под радугой», «Жаренные зеленые помидоры в кафе «Полустанок»» или «Когда я вернусь на небеса» (в переводе М. Извековой как «Рай где-то рядом») с первых строк возникает картинка, в которой узнаются знакомые места, называется штат, город (Южный Миссури, Элмвуд-Спрингс). В сознании фиксируется время, год, нередко указываются погода («ясно») и настроение («полное надежд»), как в романе «Стоя под радугой», или в книге «Когда я вернусь на небеса» – «Элмвуд-Спрингс, Миссури, понедельник, 1 апреля. 09.28, +23°, ясно». Хроника формирует пространство, определяет хронологические границы повествования, позволяя проникнуть в мир персонажей.

Отправляя читателя в конкретное пространство, даже если оно вымышленное, как в случае с Бобби Смитом, автор знакомит с рассказчиком, от имени которого и будет идти повествование. Роман строится в формате хроники, где хроника-кадр-история удивительным образом переплетаются и создают эффект постоянно меняющихся кадров, вставных эпизодов. Читатель сразу погружается в мир жизни главного персонажа, от чьего имени чаще всего и ведется рассказ. Такой своеобразный «голос за кадром».

Кадрирование – одна из особенностей структуры повествования в романе. Этот прием тесно связан у Флэгг с ассоциацией, выводя структуру за рамки традиционного монтажа. Но как истинный сценарист, Ф. Флэгг дает четкие установки к «сцене», главы не всегда объемные, как в романе «Стоя под радугой», но при этом заголовки этих глав напоминают ремарки по своему характеру: «Элмвуд-Спрингс», «Соседка Дороти», «Водонапорная башня», «Потрепанная Энн» и тому подобное [2]. Кратко, точно с акцентом на том, что оказывается в центре внимания. Словно кадровая заставка на отдельной странице указаны либо годы, либо своеобразная ремарка – четкая установка для понимания пространства: «МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Южный Миссури ВРЕМЯ: 1940-е НАСТРОЕНИЕ: полное надежд» [2]. Акцентируется внимание не на внешнем, а на внутреннем, психологическом локусе, непосредственно определяющим мир Тот Хутен. Именно она, прежде чем начать свою историю, обращается к читателю: «Как героиня этой книги заверяю вас, что все описанные здесь события произошли на самом деле, не сомневайтесь» [2].

Обращение рассказчика к читателю выполняет функцию сценарной экспозиции, представляя основных действующих лиц описываемой истории, их взаимоотношения и проблемы, о которых говорит с позиций подростка, хотя и представляется именно автором книги: «Р. S. Никогда не берите в мужья пьющего человека».

Интерес к названным людям в обращении к читателям усиливается за счет вопросов, ответ на которые можно узнать только по ходу знакомства с содержанием: «По данным на сегодняшнее утро, мозги у меня вроде на месте, чего не скажешь про мозги моей соседки миссис Уотли, воображающей, будто ее внук Тревис до сих пор работает в отделе покрышек в «Сирз», а вовсе не там, откуда

в ближайшие пять лет выйдет разве что по амнистии за хорошее поведение. Хотя я не из тех, кто разносит слухи, ни-ни» или «...прежде чем отступить в сторонку и дать вам погрузиться в чтение, поделюсь мыслью: жизнь человека зависит от кучи всяких «если», правда? Возьмите, к примеру, мою персону... Что, если бы я померла, рожая Дуэйна Младшего (кстати, может, было бы и к лучшему, учитывая недавние события)? Меня бы тут не было. Но для романа, за который вы вот-вот приметесь, важнее другое: что, если бы Дороти Смит не познакомилась с семейством Отман, исполнителями духовных песнопений? Что, если бы Бетти Рэй Отман не встретила Хэмма Спаркса? А Хэмм Спаркс не оказался бы причастен к махинациям?

Ой, лучше помолчу, ненавижу, когда мне пересказывают сюжет [2].

Тот Хутен с юмором говорит и о себе, заявляя с самого начала, что она хозяйка собственного дома, который держит в чистоте, что законопослушна («никогда не сидела в тюрьме») и что любит «книги с началом, середкой и концом, и чтоб еще сюжет какой-никакой имелся, и чтоб местами посмеяться» [2].

Обозначив основные позиции, миссис Тот Хутен «начинает показ». Она не случайно сосредоточивает внимание на месте действия – Южный Миссури, потому что оно определяет те нравы, традиции, взгляды на мир, которые характерны именно для жителей этой части Америки. Определившись с местом и временем действия, главным героем, точнее, героиней, читателю предлагается обычная жизнь любимого города в романах Ф. Флэгг – Элмвуд-Спрингс. Его историю, как и историю его создателей, она расскажет в другом произведении – «О чём весь город говорит» («The Whole Town's Talking», 2016).

В романе «Стоя под радугой» история девушки сопровождается воспоминаниями. Следуя за хронологией жизни семьи Тот, автор постоянного возвращает нас к реальной истории, изменяя условные границы искусства повествования. Здесь можно в определенной степени говорить о преодолении вымысла за счет правдивых исторических деталей. Но на первом месте остаются воспоминания. Они прерывают повествование, потом неожиданно заканчиваются, а чаще обрываются, чтобы в следующий раз по ассоциации с чем-то снова вернуться к началу.

Особое место занимает музыка и радио. Представить киноисторию сентиментального толка без милой романтической мелодии трудно. Американский кинематограф дал великолепные образцы такого сопровождения, а музыка давно звучит как самостоятельное произведение. При этом читатель понимает по мелодии или звукам радиотрансляции, в какие годы происходят события. Это тоже очень важно для автора. Так, в романе «Стоя под радугой» атмосфера начала XX века подробно описывается во второй главе «Соседка Дороти», когда автор пишет о многочисленных проводах вдоль дорог, голосах женщин из других штатов в программе «Домашнее радио»: «В 1924 году в разных уголках Среднего Запада женщины начали выходить в эфир, снабжая друг друга новыми рецептами, советами по воспитанию детей, ведению хозяйства и садоводству, обменивались местными новостями, давали небольшие домашние концерты, но главное – эти передачи были для многих сродни встрече с подругами. Каждый день жители Айовы слушали «Кухонные истории» с Лианной Дрифтмиллер или «На проселочной дороге» с Эвелин Беркби. Те, кто мог поймать сигнал из Южной Дакоты, познакомились с Уинн Списи – «Дамой по соседству». В эфир еженедельно выходили Аделла Шумейкер, Ида Бейли Аллен, Бернис Курьер, Альма Китчелл, Эдит Хансен и другие» [2].

На этом фоне читатель вновь возвращается в пространство собственно романа. Теперь правдиво воспринимается информация о миссис Дороти Смит, которая «вела передачу из собственного дома в Элмвуд-Спрингсе, штат Миссури, с 9.30 до 10.00 утра, через местную радиостанцию УДОТ на частоте 66» [2]. Флэгг обращает внимание, что южан больше интересовали местные вопросы, проблемы, истории соседей, поэтому радио Дороти было популярным. Она не только любила поговорить. После смерти сына Дороти увлеклась выпечкой, рецептами своих тортов щедро делались в эфире. И это обстоятельство делало особо привлекательными эфиры. Кроме того, предложение рецептов пирогов, тортов, пирожных, о которые говорилось в романе и по которым читатели могли приготовить угощения после прочтения книги, стало визитной карточкой отдельных произведений Ф. Флэгг (роман «Когда я вернусь на небеса» содержит рецепты, размещенные после эпилога, например «Божественный карамельный торт соседки Дороти»).

Обычный мир простых южан раскрывается во всей полноте тех политических, культурных и исторических представлений американцев 1920–1930-х, военных и послевоенных лет, которые открывают совершенно другой мир. И снова особое представление об американцах читаем на страницах книги: «...в те времена любой провинциальный мальчишка мечтал о свершениях, выпрыгивая по утрам из постели как пробка из бутылки шампанского. Ведь Бобби жил ровно посередине великой мировой державы – поговаривали даже, что величайшей. Мы в честном бою победили Германию и Японию. Мы спасли от гибели Европу, и в том году нас любили все, даже французы. <...> В те годы казалось, что все жители Земли мечтают стать американцами. И их можно было понять. У нас – Джон Уэйн, Бетти Грэйбл, Микки Маус, Рой Роджерс, Супермен, Дэгвуд и Блонди, Сестры Эндриус и Капитан Марвел, Бак Роджерс и Ред Райдер, пневматические ружья, «Мальчики Харди», Джи-мен, агенты ФБР, Мисс Америка, сладкая вата. Да при том, что *любой* человек может стать президентом Соединенных Штатов по достижении совершеннолетия» [2].

Бобби гордился тем, что американцы изобрели «хот-доги, гамбургеры, американские горки, роликовые коньки, мороженое в стаканчиках, электричество, молочные коктейли, танец джиттербаг, бейсбол, футбол, баскетбол, барбекю, пистолет с пистонами и банановый сплит. А еще кока-колу, орешки в шоколаде, музыкальные автоматы, стиральный порошок «Оксидол», маргарин и атомную бомбу» [2], а автор тем, что «Миссури – родной штат Бобби – дал миру Марка Твена, Уолта Диснея, Джинджер Роджерс, и Всемирную торгово-промышленную выставку в Сент-Луисе, и линкор «Миссури», на борту которого японцы подписали акт о капитуляции, сдавшись генералу Дугласу Макартуру... что президент Соединенных Штатов, мистер Гарри С. Трумэн, – урожденный и убежденный миссурианец...» [2].

Атмосфера 1950-х воссоздается и через перечисление исполнителей и тех мелодий, которые звучали из музыкального автомата в кафе недалеко от пляжа Шелл-Бич в романе «Дейзи Фэй и чудеса» (Кей Стар, «Колесо фортуны», Нат Кинг Коул, «Слишком молода», Розмари Клуни, «Приходи ко мне домой», а также популярное «Голубое танго» [3]), и через обучение женского отряда самообороны на случай нападения коммунистов на побережье Миссисипи и т. п.

Как истинная южанка, Флэгг не забывает о религии. Среди ее героев всегда есть те, кого называют фанатиками Библии, подобно мистеру Вентцелю. Описывается баптистская церковь, которую посещают герои, хотя, словам отца Дейзи

Фэй, девочка не обязана верить в Бога, если не хочет. Тем не менее церковные гимны постоянно присутствуют в рассказе. В том же романе героиня спела старинный церковный гимн «Кто-то ждет меня там, наверху» и закончила службу песней «Будет покой в долине». Церковный гимн станет основой всей истории и в романе «Когда я вернусь на небеса».

Даты, события, исторические факты, популярные мелодии времени и много бытовых деталей, включая игрушки и поп-корн, сладкую вату и тому подобное, – все в романах фиксирует то отдельные дни, то события, происходившие через некоторое время (дни, недели, годы). Даты сопровождают очередной фрагмент повествования, выстраивая хронологические связи с закономерными цепочками и позволяющие следовать неумолимому закону жизни – движению вперед, нередко возвращаясь через воспоминания в прошлое. Страницы как кадры хроники сменяют один год за другим, воссоздавая особый ритм жизни американской провинции и всей страны в определенный исторический период. Не случайно романы Ф. Флэгг некоторые склонны называть сагами. Возможно, это обусловлено тем, что романы пишутся в разные годы, но хронологические события четко выстраиваются по датам, а сквозные персонажи в каждом романе выступают либо в качестве главных героев, либо оказываются кем-то из числа соседей или друзей главного героя в конкретном романе. В результате перед читателем разворачивается история длинная в жизнь. Финал в книгах также напоминает кино со счастливым концом.

За внешней простотой и легкостью произведений Ф. Флэгг серьезный разговор о современной Америке, ее людях, о тех ценностях и традициях, которые позволяют заключить, что в американской литературе продолжается развитие лучших литературных традиций прошлого, а традиционные жанры приобретают новые черты, как в творчестве Ф. Флэгг, которая сближает лирический роман-хронику и кино.

Библиографический список

1. Фолкнер, Уильям (1897–1962.) Статьи, речи, интервью, письма: Пер. с англ. / Уильям Фолкнер; Сост., общ. ред., послесл. и коммент. А. Н. Николюкина. – М.: Радуга, 1985. – 488 с.
2. Флэгг, Ф. Стоя под радугой / Ф. Флэгг [перевод Д. Крупская]. – М.: Фантом Пресс, 2014. – 544 с. [Электронная версия ЛитРес (www.litres.ru)].
3. Флэгг, Ф. Дейзи Фэй и чудеса / Ф. Флэгг – М.: Фантом Пресс, 2018. – 384 с.

Замышляева Диана Николаевна

*аспирант (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия)
d.zamyshlyeva@yandex.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКЕ ЖАНРА *GOTHIC METAL* (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. Г. ЛЬЮИСА «МОНАХ»)

В статье выявляются интертекстульные связи между текстами песен нидерландской готик-метал и симфоник-метал группы «Within Temptation» и романом английского писателя М. Льюиса «Монах».

Ключевые слова: готический роман; М. Льюис; «Монах»; готик-метал, *Within Temptation*.